

Глава 5

Дедовский дом находился в старом квартале особняков. Именно здесь Гу Чи провел всё детство, и до его нынешней квартиры было рукой подать, но ключи...

Гу Чи прекрасно понимал, что на уме у второго дяди. Тот до смерти боялся, что, едва старик испустит дух, многочисленные потомки начнут грызню за дорогую недвижимость. Впрочем, делить наследство поровну было делом обычным, вот только Гу Чи в этих списках не значился.

Семья дяди заранее заняла круговую оборону, изготовившись к бою, и когда Гу Чи без лишних слов протянул им ключи, они даже растерялись, не зная, как на это реагировать.

Вилла и впрямь была хороша, но Гу Чи не дорожил её стоимостью. Для него это место было сокровищницей детских воспоминаний, которые теперь, когда дедушки не стало, превратились в пыль. Дом опустел, и эти воспоминания остались дороги лишь ему одному.

Пусть забирают что хотят, но свои вещи он заберет. Особенно то, что связывало его с дедом.

В трехэтажном доме был отдельный дворик. Дед при жизни обожал возиться с растениями; там же висела клетка, обитатель которой мог полдня напролет оглушать окрестности звонким щебетом. Теперь за садом никто не присматривал: пожухлые листья устилали землю, а в комнатах поселился тяжелый запах сырости и плесени.

Рак легких съел деда за три месяца. Узнав о болезни, Гу Чи тут же начал хлопотать о переводе, но выпускные экзамены в средней школе были уже на носу. Пришлось доучиваться в городе В и ехать в город К только к началу старшей школы. Он опоздал.

Дед ушел в конце мая. Если бы младшая тетька не позвонила втайне от всех, он бы даже на прощание не успел.

Стоило человеку остыть — и всё, о нем забыли. Никто даже не удосужился вызвать уборку. Вся эта семейка, за исключением тети, была на редкость бессердечной. И Гу Чи, по собственному убеждению, не был исключением.

Мебель и кровати были укрыты белыми чехлами, остальную обстановку не трогали. В детстве Гу Чи спал на третьем этаже. Там было жарковато, и дед, беспокоясь, предлагал ему спуститься пониже, но мальчику нравилась его комната-чердак с треугольной крышей, похожей на верхушку палатки. К спальне примыкала просторная терраса, из-за которой Гу Чи и не захотел съезжать. Позже, когда он уехал с отцом, он всё равно возвращался сюда на каникулы. Его комнату берегли — она оставалась точно такой же, как в детстве.

Но едва распахнув дверь, Гу Чи замер.

Дядя с женой проявили поразительную мелочность. Они предусмотрели всё, зная, что он вернется, заглянет в комнату, где прожил десять лет. И подготовили для него особый сюрприз — воплощение своей холодной неприязни.

Чердак был практически пуст. Книги с полок, одежда из шкафов, даже коробки с детскими игрушками — всё исчезло. Дверцы гардероба зияли пустотой, ящики стола были выдернуты. Знакомая кровать сиротливо стояла у стены без матраса.

Ему не просто указали на дверь — его вышвырнули с потрохами, не скрывая спешки.

Гу Чи почувствовал глухое раздражение. Хотел было выйти на террасу проветриться, но настроение пропало окончательно. Он закрыл дверь и спустился вниз.

Раз уж они пошли на это, почему дяде не хватило духа высказать всё в лицо? Гу Чи и сам хотел бы знать, решится ли кто-нибудь в этой так называемой «семье» на честный поступок — например, официально вычеркнуть его из родового реестра.

И что бы на это сказал его отец?

Впрочем, мечтать не вредно. На деле же родня была способна только втихую выбрасывать его старые игрушки, продолжая на людях разыгрывать спектакль «дружной семьи». Тяжело им, должно быть, столько в себе копить.

В ящике под телевизором Гу Чи нашел несколько фотоальбомов. В основном там были их общие снимки с дедом и те, что старик собирал специально для него, год за годом фиксируя, как внук растет. Заглянув в кабинет, он спрятал в сумку шахматы. Доска была совсем старой, края фигур стерлись до блеска, а краска на иероглифах почти сошла. Гу Чи не помнил, когда их купили — они сопровождали его всю жизнь. Дед вечно таскал их с собой во двор к соседям и на них же учил внука игре.

У входа во дворик стояли железное ведро и пустая птичья клетка. Гу Чи окинул взглядом заброшенный сад и решил забрать и их.

Эти бесхитростные, ничего не стоящие вещи стали последними нитями, связывавшими его с прошлым. Он не хотел оставлять ни одной, даже если всему остальному миру было наплевать, по кому он тоскует.

Память помогала Гу Чи чувствовать, что он не такой, как они. В нем еще осталась капля тепла.

Память спасала от одиночества, пусть даже то, что ушло, уже никогда не вернется.

***

В понедельник начались полноценные занятия. Ученики Провинциальной ключевой школы втянулись в процесс мгновенно. Едва получив расписание, они тут же включились в работу: первая лекция началась без раскочки. Учителя ограничивались кратким представлением и сразу переходили к теме. Жэнь Ижань так и не успел толком проснуться — а урок уже закончился.

На перемене он собирался заглянуть в соседний класс к Гу Чи, но классный руководитель, учительница Ло, решила использовать это время для выбора старостата.

— Выборы актива — дело серьезное, — вещала Ло Вэньян, выписывая на доске названия должностей и оставляя пустые места после двоеточий. — Каждый должен быть на своем месте, чтобы мы построили крепкий коллектив. Те, кто хочет в туалет, — терпите.

Жэнь Ижань, уже наполовину поднявший руку, кисло сдулся. Учительница Ло пресекла все пути к отступлению. Он провел рукой по короткому ежику волос и в изнеможении уткнулся подбородком в парту.

Опираясь на прошлые заслуги учеников, учительница Ло принялась распределять посты волевым решением. Ижань, бывший в прошлой школе старостой, теперь превратился в инспектора по дисциплине. В его обязанности входила проверка внешнего вида, ведение «черного списка» болтунов и учет опоздавших. Должность, прямо скажем, расстрельная — гарантированная ненависть всего класса. К тому же, как подчеркнула учительница, инспектор обязан сам быть образцом для подражания, а за его собственные нарушения наказание будет двойным. Акция: «получи вдвое больше люлей по цене одной ошибки».

Когда Ло вышла, Ван Янь посмотрела на него с сочувствием:

— Должность, созданная специально для твоего сияющего затылка. Гордишься?

— Не лезь ко мне. И ты, Лю Тун, тоже, — Жэнь Ижань открыл журнал взысканий, врученный ему Ло Вэньян, и угрожающе прищурился. — Видите? Это «Книга жизни и смерти». Одно неверное движение — и я вас туда впишу. Статьи найдутся на любой вкус: болтовня, списывание, опоздания или харассмент в отношении соседа по парте.

— А еще тебе придется каждую неделю ходить к ней в кабинет с отчетом, — со смешком добавила Ван Янь. — Хотя какой там отчет, это же чистой воды принуждение к самобичеванию.

Она похлопала Ижана по плечу и сокрушенно вздохнула:

— Удачи, парень. Если такая дамочка средних лет на кого-то нацелится, фиг отвяжешься. Ты теперь у неё на особом счету.

— Ло Вэньян обожает вызывать родителей, — поддакнул Лю Тун, наклонившись к ним. — Слышал, один папаша в свое время так дошел до ручки, что прямо в учительской с ней сцепился.

— Вызова родителей я не боюсь, — самодовольно хмыкнул Ижань. — Пусть только попробует. Моя мама кого угодно заболтает. Дома она, конечно, со мной строга, но попробуй кто-нибудь чужой сказать про меня хоть слово — она в прыжке любому коленные чашечки вынесет.

Ван Янь так и покатила со смеху.

— Стриженный, я поняла, почему ты ей не нравишься. И дело не в прическе.

— М? — Ижань вопросительно на нее уставился.

— В тебе чувствуется... дерзость, — Ван Янь сложила руки на груди, оценивая его разглядывая. — Даже без стрижки этот твой хулиганский флёр куда бы не делся. Слишком уж ты выделяешься на фоне местных прилежных ботаников.

— Точно, дерзкий тип, — снова встрял Лю Тун. — Особенно когда не улыбаешься и рожу кирпичом делаешь — у меня аж поджилки трясутся. Лишний раз зыркнешь, и я тебе все карманные деньги за неделю отдам.

— Пшел ты! — рассмеялся Ижань, пихнув ногой ножку его стула. — Вы просто завидуете моей красоте.

— Ну уж нет, не обольщайся, — Ван Янь картинно мечтательно закатила глаза. — Легкая лесть соседу — это просто правила приличия. Ты не в моем вкусе. А вот тот парень из соседнего класса, Гу Чи, — очень даже.

— Да если он и впрямь такой красавчик, на него и без тебя охотниц хватит! — Лю Тун качнулся на стуле. — У нас в классе тоже ничего ребята есть, посмотри вперед.

— Заткнись, — Ван Янь одарила Лю Туна презрительным взглядом, а Ижань довольно заржал.

После второго урока была большая перемена на полчаса. По понедельникам полагалось торжественное поднятие флага. Стоя в строю на плацу, Жэнь Ижань наконец увидел Гу Чи.

Школьную форму еще не выдали, так что первогодки пестрели всеми цветами радуги. Гу Чи был одет просто: белая футболка, джинсы и черная толстовка с капюшоном, но выглядел он на редкость круто. Он сразу бросался в глаза — то ли из-за роста, то ли из-за лица. Парень стоял, слегка опустив голову, ни с кем не разговаривая и засунув одну руку в карман. Вокруг него словно образовалась невидимая зона отчуждения с табличкой «не подходи — убьет».

— Пс-с! Слышь! — Ижань попытался привлечь его внимание. После того столкновения он был уверен, что Гу Чи его запомнил — неважно, со злобой или как, главное, чтобы узнал, тогда проще будет заговорить.

Поскольку шипел он довольно громко, ребята впереди начали оборачиваться и с недоумением на него пялиться. Но Гу Чи даже ухом не повел.

«Точно ведь слышит, зараза. Специально игнорит!»

— Ижань, ты чего? — Лю Тун с любопытством уставился на первый класс. — Тебя, небось, уже и второгодки слышали.

— Видишь того парня? Гу Чи. Ведь это он первый в списках на стенде, верно? — Ижань указал подбородком. — В день регистрации его не было.

— А... вроде он? Не знаю, я не девчонка, чтобы на парней пялиться, — Лю Тун потерял интерес и принялся разглядывать девчонок из параллельного класса. — Слушай, на тебя тут одна девчонка пялится... О, уже две.

— После линейки время останется? — спросил Ижань.

— Ага, она вот-вот закончится, можно успеть в столовую. — Лю Тун облизнулся. — Говорю тебе, в нашей «трешке» лапша — просто отвал башки. Три года её в средней школе ел и не надоело. Мне обычно две порции надо, чтоб наестся.

— Почему меня не зовете? Я тоже пойду, — подала голос Ван Янь, не оборачиваясь.

Стоявший рядом Чэнь Чэнь быстро обернулся к Ижаню:

— Захвати мне колу, ледяную! Деньги отдам в классе.

— Лады, — кивнул Ижань и снова выдал в сторону Гу Чи короткое «пс-с!».

Странное дело: окружающие наверняка поняли, кого он зовет, но никто и пальцем не шевельнул, чтобы подсказать Гу Чи.

«Я так скоро до самой трибуны дошиплюсь. Он что, глухой?»

После линейки на плацу началось столпотворение. Толпа разделилась на два потока: один хлынул к столовой, другой — к учебному корпусу. Ижань хотел было перехватить Гу Чи, но Лю Тун с Ван Янь вцепились в него мертвой хваткой и потащили за собой, объясняя, что это

традиция школы №3: кто не успел — тот опоздал. Если не проявить скорость голодной собаки, следующие два урока придется помирать от голода.

— Ну, каково? Какой соус! А этот сушеный тофу! А лучок какой свежий! — Лю Тун довольно похлопал себя по животу и рыгнул, дожидаясь, пока Ижань купит напитки.

— Вкусно-то вкусно, но вы меня так торопили, что я чуть не подавился, — Ижань достал кошелек и взял в ларьке пять бутылок колы. Расплатившись, он направился к учебному корпусу.

У дверей второго класса он отдал четыре бутылки Ван Янь, попросив раздать ребятам, а сам с последней бутылкой в руках направился к дверям первого класса. Снова зашипел, но теперь уже на первого встречного. Кто-то из ребят вышел.

— Тебе кого, парень? — спросил ученик.

— Можешь позвать Гу Чи? — Ижань дружелюбно улыбнулся. — Я из соседнего класса, есть дело к нему.

Тот глянул на задние ряды и велел подождать. Когда парень пошел звать Гу Чи, выражение его лица было каким-то странным. Ижань мысленно проверил свой тон — вроде был вежлив, чего тот так напрягся?

Он заглянул в класс и увидел, как ученик что-то негромко говорит Гу Чи, указывая на дверь. Тот даже не поднял глаз — похоже, что-то писал. Медленно закрыл ручку колпачком и вышел.

Ижань выпрямился и обратился к подошедшему:

— Привет. Я Жэнь Ижань из второго класса. Помнишь, на днях...

— Вор аккумуляторов. Помню, — Гу Чи смерил его ледяным, ничего не выражающим взглядом.
— Что надо?

Ижань опешил. Он никак не ожидал такого резкого приема. Парень уже наполовину протянул бутылку, но Гу Чи не только не взял её, но еще и обозвал его вором, причем так громко, что окружающие зашумелись. Внутри у Ижана мгновенно вскипело раздражение.

— Слушай, никакой я не вор, — процедил он, и улыбка сползла с его лица. — Неловко вышло, что я в тебя врезался, но я вора ловил. Просто тебя на дороге не заметил, а потом ты исчез. Вот, держи колу, считай — извинение.

Ижань снова протянул бутылку, но Гу Чи и не подумал шевельнуться.

— Не нужно, — отрезал тот, глядя ему прямо в глаза. — Это всё?

Ижань почувствовал себя полным идиотом: рука висит в воздухе, а этому типу всё нипочем. С трудом сдерживаясь, он поставил колу на ближайшую парту и потер щеку.

— Я тебе тогда куртку сунул, а в ней кот был. Где он?

— Выбросил, — бросил Гу Чи.

Жэнь Ижань замер, рука так и осталась у лица. Он не поверил своим ушам.

— Выбросил?! Ты его выбросил?!

— Угу, — равнодушно подтвердил Гу Чи. — Тебе можно разбрасываться вещами, а мне нет?

Ижань не знал, что его взбесило больше: ледяной тон Гу Чи или это унижительное чувство, когда тебя демонстративно ни во что не ставят. Ярость вспыхнула в нем мгновенно, застывая разум. Не в силах больше терпеть, он мертвой хваткой вцепился в воротник Гу Чи, намереваясь вытащить его в коридор, но тот среагировал молниеносно. Прежде чем Ижань успел закрепить захват, Гу Чи перехватил его запястье, и они оба, сцепившись, вылетели из класса.

— Твою мать!

Ижань качнулся, выругался сквозь зубы и, сжав кулак, нанес прямой удар в лицо Гу Чи.

<http://bllate.org/book/17447/1653319>